

УДК 811.161.1'367.625
ББК 81.411.2-212

ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ФОРМ БУДУЩЕГО И ПРОШЕДШЕГО ВРЕМЕНИ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ

В.С. Парамонова

В статье представлены результаты функционально-семантического анализа форм будущего и прошедшего времени. Выявлены обусловленные интенциональностью сознания субъекта особенности их употребления в тексте художественного произведения.

Ключевые слова: глагол, будущее время, прошедшее время, модальность, лексическая семантика, субъективный фактор, интенциональность.

В последние десятилетия категория времени по-новому рассматривается в своих языковых проявлениях в связи с интенсивным развитием в лингвистике антропологической парадигмы знания, отражающей взгляд на язык как собственно человеческое достояние, изучение его связи с мышлением, познанием, действительностью, ориентацией человека в мире (см.: [1; 2; и др.]).

Помимо традиционно выделяемых семантических категорий (бытийности, пространства, времени и т. д.), формирование которых связано с антропологическим фактором, внимание лингвистов привлекают эгоцентрические категории (лица, персональности, субъекта и т. п.) [4–7; и др.]. Они получили свое название от слова *эгоцентризм* (лат. *ego* – «я» и *centrum* – «средоточение», «центр») и обозначают отношение человека к миру, характеризующееся сосредоточенностью на своем индивидуальном «я» [8, с. 97–98].

К эгоцентрическим относят прежде всего категории субъекта и субъективности, которые не являются новыми для языкознания, но до сих пор однозначно не определены как в традиционной, так и антропологической лингвистике (см., например: [4; 7; 9; и др.]). Одна

из трактовок понятия *субъект* соотносит его с самим говорящим, который эксплицитно или имплицитно присутствует в каждом коммуникативном акте, в каждом речевом произведении, а субъективность связывается со способностью говорящего «представлять себя в качестве “субъекта”» [9, с. 3].

Для нашего исследования методологически значимым является мнение А.В. Бондарко об интенциональных функциях грамматических форм в их отношении к смысловому содержанию высказывания. Ученый имеет в виду связь грамматических значений с намерениями говорящего, с коммуникативными целями речемыслительной деятельности, то есть способность содержания, выражаемого, в частности, грамматической формой (во взаимодействии с ее окружением, средой), быть одним из актуальных элементов речевого смысла. Степень реализованности фактора субъекта зависит от конкретных условий речевого употребления: коммуникативной цели высказывания, его синтаксической структуры, лексики, контекста, речевой ситуации [3, с. 141–144].

Цель нашей работы заключается в выявлении семантического потенциала употребленных в романе Л.Н. Толстого «Анна Каренина» глагольных форм будущего и прошедшего времени, актуализация которого обусловлена интенциональностью сознания субъекта. При этом интенциональность рассматривается

как субъективная направленность сознания на действие, когда говорящий представляет себя в качестве субъекта сообщаемого факта или факта сообщения и выражает свое отношение к этому действию. Именно интенциональность сознания говорящего влияет на выбор глагольной словоформы, актуализирует ее потенциальные возможности в том или ином контексте, отражающем ту или иную ситуацию общения.

Функционально-семантический анализ употребления форм будущего и прошедшего времени в романе Л.Н. Толстого «Анна Каренина» позволил установить, что реализация интенциональных функций временных форм обусловлена причастностью субъекта (говорящего, пишущего) к сообщаемым фактам в каждом коммуникативном акте.

В каждом случае употребления глагольных словоформ в романе Л.Н. Толстого мы устанавливаем не только связь действия с тем или иным типом субъекта, но и описываем влияние интенциональности сознания субъекта на характер осуществления действия по отношению к моменту речи. Учет этого взаимодействия позволяет выявить как функционально-семантический, так и прагма-семантический потенциал рассматриваемых глагольных словоформ в условиях речевых ситуаций.

Фактор субъекта проявляется прежде всего в восприятии будущего, которое мыслится как реальное или ирреальное.

Восприятие реально осуществимого будущего может быть связано с целевой установкой говорящего, которая обуславливает развитие модальных значений. Так, в предложении *Во вторник я буду в Петербурге, и все решится* (т. 1, с. 346) цель говорящего, выступающего в качестве субъекта сообщаемого факта, заключается в том, чтобы сообщить информацию о предстоящей поездке. Выражению данной интенции способствуют глагольная словоформа будущего времени – *буду* и контекстуальный уточнитель *во вторник*, что свидетельствует о твердом решении, поскольку выбран даже день для осуществления действия. Целевая установка субъекта способствует тому, что словоформа *буду* приобретает дополнительное модальное значение намерения. В этом примере выражает-

ся также уверенность говорящего в достижении определенного результата тогда, когда он приедет в Петербург. Этому способствуют глагольная словоформа *решится*, употребленная в форме будущего времени совершенного вида в значении «окончательно определиться» и определительное местоимение *всё*.

Восприятие будущего, которое мыслится как ирреальное, эксплицируется тогда, когда говорящему важно подчеркнуть обычность или типичность действия. В этом случае употребляется форма будущего простого в значении настоящего абстрактного. Создается иллюзия конкретного факта, существующего безотносительно к моменту речи. Этому способствует также актуализированное наглядно-примерное значение совершенного вида. Выделяется один из повторяющихся актов, который представляется как ограниченный пределом целостный факт, являющийся своего рода наглядным примером других подобных актов.

Так, в предложении *Много еще что-то там было отличного, да не скажешь словами и мыслями даже наяву не выразишь* (т. 1, с. 8) условием употребления формы будущего в плане настоящего абстрактного является наличие двух связанных друг с другом действий: *не скажешь словами и мыслями не выразишь*. Говорящий, выступающий в качестве субъекта факта сообщения, на что указывают формы 2-го л. ед. ч., акцентирует внимание на повторяющихся, типичных действиях. Семантика настоящего абстрактного характеризуется дополнительным модальным оттенком невозможности осуществления действия. Усилительные частицы *да* и *даже* актуализируют не только грамматическое значение глагольных словоформ в модальном плане, но и совместно с повторяющейся отрицательной частицей *не* служат средством выражения негативного эмоционального состояния субъекта.

Интенциональность сознания субъекта влияет не только на реализацию потенциальной семантики будущего времени, но и на актуализацию дополнительных значений прошедшего времени. Глагольные формы прошедшего времени, в отличие от форм будущего времени, являются потенциально личными, поскольку свою субъектную на-

правленность они получают в условиях речевого контекста. Особенно ярко это проявляется у аористических форм глаголов совершенного вида.

Так, в предложении *Левин покраснел и от стыда и от досады на свою жену... <...> ...но Марья Николаевна покраснела еще больше. Она вся сжалась и покраснела до слез и, ухватив обеими руками концы платка, свертывала их красными пальцами...* (т. 2, с. 70) представлены глагольные словоформы прошедшего времени совершенного вида *покраснел, сжалась, покраснела*, помогающие передать эмоциональное состояние героев романа. Аористическое употребление глагольных форм *покраснел, сжалась, покраснела* свидетельствует о прошедшем факте без указания на наличный результат прошедшего действия. Лексическая семантика этих глагольных словоформ указывает на напряженное эмоциональное состояние героев. Глагольная лексема *сжиматься* употребляется в данном предложении в значении «испытывать острое, болезненное чувство стеснения». Глагольная лексема *покраснеть* используется в прямом значении «становиться красным, пунцовым от прилива крови к коже, стыдясь чего-либо». В данном предложении представлены два субъекта факта сообщения, указывающих на персонажей романа – Левина и Марию Николаевну. Метафорическое употребление глагольных словоформ *сжалась* и *покраснела* свидетельствует о переживании субъектами отрицательных эмоций во время их совместного разговора. Повтор глагольной словоформы *покраснела* и фразеологическое сочетание *покраснела до слез* подчеркивает напряженное эмоциональное состояние одного из субъектов сообщаемого факта.

В предложении *Я решил, но боюсь, что ты не изъявишь согласия* (т. 2, с. 23) форма прошедшего времени глагола *решить* в значении «приходить к какому-либо выводу, заключению относительно чего-либо после размышления, обдумывания» употребляется в перфектном значении. Коммуникативная цель субъекта сообщаемого факта, выраженного личным местоимением *я*, – сообщить о своем решении, но при этом выразить опасение относительно согласия собеседника. Употребление глагольной лексемы *бояться* в значе-

нии «испытывать беспокойство, страх перед кем-либо, чем-либо угрожающим, обычно предчувствуя какую-либо опасность» подчеркивает негативное эмоциональное состояние говорящего – его боязнь относительно действий субъекта факта сообщения. Это состояние обуславливает соотношение разных временных форм (*решил, боюсь, не изъявишь*), передающих контаминацию модальной и эмоциональной семантики. Глагольная словоформа настоящего времени *боюсь* и глагольная словоформа будущего времени *не изъявишь* актуализируют перфектное значение у словоформы *решил*.

Формы прошедшего времени глаголов несовершенного вида могут выступать в контексте абстрактного настоящего для демонстрации единичного факта, который представлен так, как будто он уже осуществился, но контекст указывает на то, что такие факты обычны, причем их обычность отнесена к широкому плану настоящего. В предложении *Степан Аркадьич, очевидно, желал того же, и на его лице Левин видел выражение озабоченности, которое всегда бывает у настоящего охотника пред началом охоты...* (т. 2, с. 167) глагольные словоформы прошедшего времени *желал* и *видел* употребляются в сочетании с формой настоящего времени *бывает*. Сочетание разных временных форм (*желал, видел, бывает*) относит действия к плану настоящего. Наречие *всегда* демонстрирует интенциональную установку говорящего на интерпретацию события как не просто случайного, а постоянного. Вводно-модальное слово *очевидно* подчеркивает вероятность действия, связанную с сомнением субъекта факта сообщения.

Таким образом, функционально-семантический анализ употребления форм будущего и прошедшего времен свидетельствует о том, что реализация семантического потенциала данных форм в художественном тексте (в частности, романе Л.Н. Толстого «Анна Каренина») определяется интенциональностью сознания субъекта, которая связана с его целевой установкой, с выражением отношения субъекта к действию или его эмоциональным состоянием. Это проявляется, во-первых, в том, что значение глагольных форм будущего и прошедшего времени осложняется модаль-

ным значением, конкретизирующим отношение субъекта к предстоящим или прошедшим действиям (событиям): уверенностью, намерением и др. Во-вторых, временные формы в зависимости от интенциональности субъекта могут употребляться в переносном лексическом значении, в значении других форм времени. Учет взаимодействия лексической, грамматической, модальной семантики позволяет не только выявить специфику реализации интенциональности сознания субъекта рассматриваемыми глагольными словоформами, но и определить их функционально-семантический и прагматический потенциал в условиях художественного текста.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Апресян, Ю. Д. Избранные труды. В 2 т. Т. 2. Интегральное описание языка и системная лексикография / Ю. Д. Апресян. – М. : Шк. «Яз. рус. культуры», 1995. – 767 с.
2. Арутюнова, Н. Д. Язык и мир человека / Н. Д. Арутюнова. – М. : Шк. «Яз. рус. культуры», 1999. – 896 с.
3. Бондарко, А. В. Теория значения в системе функциональной грамматики: На материале русского языка / А. В. Бондарко. – М. : Яз. слав. культуры, 2002. – 736 с. – (Studia philologica).

4. Гайсина, Р. М. Лексико-семантическое поле глаголов отношения в современном русском языке / Р. М. Гайсина. – Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 1981. – 196 с.

5. Гуреев, В. А. Языковой эгоцентризм в новых парадигмах знания / В. А. Гуреев // Вопросы языкознания. – 2004. – № 2. – С. 57–67.

6. Гуссерль, Э. Логические исследования. Картезианские размышления. Кризис европейских наук и трансцендентальная феноменология. Кризис европейского человечества и философии. Философия как строгая наука / Э. Гуссерль. – Минск : Харвест ; М. : АСТ, 2000. – 750 с.

7. Новиков, Л. А. Семантика русского языка : учеб. пособие / Л. А. Новиков. – М. : Высш. шк., 1982. – 272 с.

8. Омельченко, С. Р. Антропоморфизм языковых категорий / С. Р. Омельченко // Антропология языка : сб. ст. / отв. ред. С. Р. Омельченко. – М. : Флинта : Наука, 2010. – Вып. 1. – С. 96–103.

9. Русская грамматика : в 2 т. / редкол.: Н. Ю. Шведова [и др.]. – М. : Наука, 1980. – Т. 1 : Фонетика. Словообразование. Морфология. – 783 с.

ИСТОЧНИКИ

Толстой, Л. Н. Анна Каренина / Л. Н. Толстой // Собрание сочинений. – М. : Мир книги : Литература, 2007. – Т. 1. – 480 с. ; Т. 2. – 448 с.

THE PECULIARITIES OF THE FUNCTIONING OF FUTURE AND PAST FORMS IN THE FICTION TEXT

V.S. Paramonova

The article deals with the results of the functional-semantic analysis of future and past forms. The author reveals these peculiarities in the text of the fiction book and underlines that they depend on the intentionality of consciousness of the personality.

Key words: *verb, future tense, past tense, modality, lexical meanings, subjective factor, intentionality.*